

сти у представителей мужской и женской целевой аудитории не различается принципиально, поэтому нет оснований делить рекламу автомобилей на мужскую и женскую.

В результате факторного анализа была уменьшена шкала размерности данных, что позволило перейти от большого набора свойств к небольшому перечню существенных признаков, устранить дублирование информации, а также исключить незначимые переменные; выявить достаточное число факторов, объясняющих максимальный процент совокупной дисперсии; вычислить важнейшие показатели для каждого фактора. Высокий процент совокупной дисперсии позволяет говорить о практической значимости полученных результатов, о возможности их использования для разработки или экспертизы рекламного продукта.

М.Ю. Костионова (Россия, Владикавказ)

КОМПЕНСАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ ПЕРЕДАЧИ АВТОРСКОГО СМЫСЛА В НАЗВАНИЯХ КАК В СВЕРНУТОМ ТЕКСТЕ

В последнее время, когда интенсивно развиваются отношения национальных сообществ, принадлежащих к разным культурам, особое значение приобрела проблема взаимосвязи языка и культуры. Выделение национально-культурного компонента в лексике художественного текста дает возможность исследовать язык в плане отражения в нем национально-культурных особенностей общественной и духовной жизни народа. Актуальность этой работы обусловлена недостаточной изученностью семантической структуры имен собственных, которая позволяет им выступать в качестве прецедентных имен, а также широким использованием в переносных значениях, требующих адекватного истолкования; необходимостью изучения специфики перевода национальных и транснациональных прецедентных имен в рамках лингвокультурного направления.

Нами предпринят анализ различных вариантов переводов названий рассказов А.П. Чехова «*Душечка*» и «*Попрыгунья*» на английский язык методом сопоставительного анализа.

Прецедентные имена - это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб. Прецедентные имена - важная составляющая национальной картины мира, способствующая стереотипизации и оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира, приобщению к национальной культуре и национальным традициям в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей [Нахимова 2004:207].

Название произведения, представленное именем собственным, способно аккумулировать прецедентность текста, а значит, быть носителем культурно-ценностного знания. Способность названия произведений становиться прецедентным обуславливается социальной значимостью самого произведения для определенной лингвокультуры и языковыми особенностями названия [Костомаров, Бурвинова 1994: 74].

При переводе структура и объем значений прецедентного имени (ПИ) претерпевают изменения в силу возможного отсутствия аналогичного ПИ в языке перевода, либо подобный ПИ языка перевода характеризуется большим или меньшим, по отношению к оригиналу, объемом значений. Лакунизированная информация восполняется при переводе культурологическим комментарием (либо другими средствами).

Несоответствие оригинального и переводных вариантов рассказа А.П. Чехова «*Душечка*» - «*Darling*», «*Angel*» заключено в его названии, которое представляет собой семантическую лакуну для англоязычных носителей.

В понимании носителей русского языка *душенька*, *душечка* - душа; привет и ласка; душарка, душатка, душаточка, милочка, любимый человек [Даль, Т. I :460].

Для англичан «*душечка*» - *darling: the Russian word is Dushechka, a diminutive made from Dusha, which means «darling» or «dear»*; Poggioli notes that the *-echka* ending implies «an insinuation of pettiness and a nuance of indulgent scorn» (дорогая: по русски - душечка, уменьшительное от *душа*, что означает «дорогой» или «милый», Погиолли отмечает, что окончание *-echka* указывает на «мелочность и оттенок снисхо-

дительного презрения») (<http://chekhov2.tripod.com/index.htm>), что согласуется с соответствующими переводами названия в разные годы:

Констанс Гарнет	« <i>The Darling</i> » (« <i>Angel</i> »)	1916 г.
Дэвид Магаршак	« <i>The Darling</i> »	1952-1955 гг.
Юдора Уэлти	« <i>The Darling</i> »	1977 г.
Гарольд Блум	« <i>Angel</i> »	2001 г.

Слово *душечка*, является многозначным. Единственное совпадающее значение - *дорогой, любимый*. Однако к анализируемому произведению это значение не имеет никакого отношения. Важным для понимания смысла, заложенного автором в пьесу, для верного толкования образа главной героини Оленьки оказывается анализ структуры значений слова *душенька*, на русском языке, где основным значением является «душа».

Исследователи проводят параллель главной героини чеховского рассказа «*Душечка*» с её архетипом Психеей. Лафонтен в рассказе «Любовь Психеи и Купидона» пародирует греческий миф: женская душа развлекает публику своим насмешливым сценическим воплощением. Первым среди русских писателей затронул эту античную любовную историю Ипполит Богданович, создавший в 1783 г. стихотворную сказку «*Душенька*», которая ведет свое начало от высокого эллинского мифа о сочетании души с любовью, то есть о проникновении духовным началом естественного влечения полов.

А.П. Чехов описал «*Душечку*» так: <...> Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня с кротким, мягким взглядом, очень здоровая <...> [Чехов 1970, т.6: 323].

Известно, что появление «*Душечки*» в печати вызвало оживленный отклик у русской публики, которая разделилась на тех, кто находил образ Оленьки «отрицательным», и тех, кто считал его «положительным» типом женщины [Сергиенко 1904:251].

Американские и английские литераторы считают Ольгу отрицательной героиней, что не могло не отразиться на трактовке образа, представленной в свёрнутом виде в названии:

Чарльз Э. Мей рассматривает в Оленьке отсутствие характера: <...> *a woman who seems to have no character* <...>. Она – может только носить траур, выражая свое горе, в народе жалуется. <...> *She is otherwise a cipher who, between husbands, can only mourn, expressing her grief in folk laments*. Как ни странно, живая и сияющая и любящая, Оленька, кажется, сосет жизнь из тех, которых она обожает <...> *Ironically, alive and radiant in love, seems to suck the life out of those whom she adores* <...>.

Колиан Джек считает: «*Chekhov intended this story as a negative commentary on the sort of woman who has no intellectual life of her own, but simply serves as a mirror, reflecting the beliefs and opinions of her husband. Chekhov believed that women should be more than "darlings."*» (Чехов предназначал эту историю как отрицательный комментарий относительно вида женщины, которая не имеет никакой интеллектуальной собственной жизни, но просто служит зеркалом, отражая верования и мнения ее мужа. Чехов полагал, что женщины должны быть больше, чем просто «душечки»). (<http://litmed.med.nyu.edu/Annotation?action=view&annid=961>)

При переводе ПИ особое значение приобретает концепт, который стоит за тем или иным ПИ, ведь именно он и подвергается переводу, а не вербальная единица, выражающая ПИ [Сорокин 2003:160].

В русском языке существенна гендерная дифференциация между антропоморфными признаками концептов внутреннего мира – женщинам приписываются особые характеристики души, ума и сердца. Признаки души подразделяются по возрастному критерию, что выражается в когнитивных моделях душа-девица и душа-женщина. Душа выступает мерилем природных качеств человека, это важный и обязательный атрибут женщины [Пименова 2004:386].

Название «*Душечка*» является семантической лакуной т.к. в английском языке вообще не представлено соответствующее значение. Проблема перевода данного названия состоит в том, что концепт «душа» является наиболее полно отражающим особенности русского национального характера, связан с массово не осознаваемой и эксплицитно не выраженной ценностной доминантой русской культуры.

А.П. Чехов проводит параллель между басней И. Крылова «Стрекоза и муравей», сутью образа главной героини рассказа «*Попрыгунья*» пытаясь вызвать у реципиента эмоциональное отношение как к чему-то достоверному или знакомому. Характер раскрывается в её поведении, поступках, а также в названии рассказа. Ольга Ивановна, "попрыгунья", ищет величие в необыкновенном, исключительном, в ее понимании великий человек - это избранная личность, высоко возвышающаяся над толпой «обыкновенных»,

«маленьких» людей. Образ «попрыгуны», всю свою жизнь «прыгающей» в поисках исключительного, великого человека, - в конечном итоге сатирический образ.

Название «*Попрыгунья*» является прецедентным именем, где цитация на басню И. Крылова «Стрекоза и муравей» становится вторичным текстом на основе интертекстуальной связи с басней Эзопа о муравье и кузнечике.

В басне И. Крылова «Стрекоза и муравей» есть строчки: «Попрыгунья стрекоза лето красное пропела» [Крылов 1946 т.3: 30], однако известно, что стрекоза не издаёт звуков, дело в том, что на тот момент слово «стрекоза» является собирательным номинатором для нескольких видов насекомых, а героем сказки действительно мог быть кузнечик, жук, цикада и стрекоза.

Название «*Попрыгунья*» переведено на английский как «*The Grasshopper*» Констанс Гарнет (1918 г.) и Юдора Уэлти (1977), что означает «кузнечик». Согласно дефиниции, приведенной в толковом словаре Коллинза, существительное *a grasshopper* - is an insect with long back legs that jumps high into the air and makes a high, vibrating sound. («Кузнечик» - насекомое с длинными задними ногами, которое подскакивает высоко в воздух и производит высокий, вибрирующий звук) [CCEDAL 2003].

«*The Grasshopper*» - перевод методом синонимической замены.

Название «*Попрыгунья*» описывает черты характера главной героини Ольги как человека поверхностного, легкомысленного и невоспитанного.

В русской культуре широко известна басня И. Крылова «Стрекоза и муравей» и для иностранного читателя цитация А.П. Чехова не очевидна. А концепт «*попрыгунья*» и метаконцепт «*Попрыгунья*» отсутствуют в британской концептосфере.

Колиан Джек воспринял цитацию буквально: главный герой «*Попрыгуньи*» является наивным, мужественным и исключительно обеспокоенным созданием <...> *The Grasshopper's protagonist is naive, high-spirited, and solely concerned* <...> В глубине души Ольга социальный сноб, который маскирует свою неискренность интересом к искусствам. <...> *At heart, Olga is a social snob who masks her insincerity with an affected interest in the arts* <...> Но А.П. Чехов подчеркивает, что самый большой недостаток характера его главного героя должен принять знаменитость за гения. <...> *But Chekhov emphasizes that his protagonist's biggest character flaw is to mistake celebrity for genius* <...>. Хотя Осип Дымов может казаться безвкусным и скучным в отличие от очаровательных друзей его жены, его жена понимает слишком поздно, что он просто был скромным в своем величии. <...> *Although Osip Dymov may seem insipid and uninspiring in contrast to his wife's glamorous friends, his wife realizes too late that he has simply been modest about his greatness...*» (<http://www.sparknotes.com/lit/chekhov/section6.rhtml>)

Можно заключить, что национальные ПИ не имеют эквивалентов в языке перевода: названия «*Душечка*» и «*Попрыгунья*» передаются не прецедентным выражением. Иными словами, исходная прецедентность не сохраняется, но передается образность исходного языка. Такой перевод ориентирован на культуру реципиента в ущерб исходной культуре. В данном случае переводчик при переводе воспользовался методом синонимической замены.

Таким образом, сохранение национального колорита при переводе - одна из важнейших прагматических задач. Для читателя ПЯ утрата колорита выражается в неполноте восприятия образов, то есть по существу в их искажении.

Литература

Арсентьева Е.Ф., Ахметшина А.Р. Типы контекстуальных трансформаций фразеологических единиц. Наб. Челны: Рудик, 2002. 298с.

Биения Мишель Ванда. Проблемы перевода Чехова с русского на английский // Молодые исследователи Чехова. 5: Материалы международной научной конференции (Москва, май 2005 г.). М.: Изд-во МГУ, 2005. С.64-68.

Головачева А.Г. От «Попрыгуньи» к «Душечке» // Чеховские чтения в Ялте. М., 1983. С. 20-27.

Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // РЯЗР. 1994, №1. С.73-76

Нахимова, Е.А. Прецедентные имена как ментальное поле в политической коммуникации // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург, 2004г. Т. 14.

Пименова М.В. Душа и дух : особенности концептуализации. Кемерово: ИПК «Графика», 2004. 386 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 3).

Сергиенко П.А. О Чехове. Воспоминания // Нива. 1904. N10. С. 251–252.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 160 с.

Чехов, А. П. Собрание сочинений и писем в восьми томах. Т. 6 Стр. 323 М.: Изд-во «Правда», 1970 .

The Tales of Tchekov / From Russian C Garnett. L., 1916-1922. Vol. 1-13; Chekhov A. The Cherry Orchard and Other Plays. L., 1923; Chekhov A. The Three sisters and Other Plays. L., 1923. – [электронный ресурс]: <http://chekhov2.tripod.com>

SparkNotes: Chekhov Stories: The Grasshopper – [электронный ресурс]: <http://www.sparknotes.com/lit/chekhov/section6.rhtml>

Harold Bloom (ed.), Anton Chekhov Philadelphia: Chelsea House Publishers, 2003), pp. xiii + 152. (Bloom's BioCritiques).

Толковый словарь Даля – [электронный ресурс]: <http://slovardalja.net>

Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners 4th edition published in 2003. – [электронный ресурс]: <http://dictionary.reverso.net/english-synonyms/>

В.В. Лабутина (Россия, Самара)

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ АНТОСИНОНИМИИ В СИТУАЦИИ «КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА»

Разная интерпретация или оценка говорящим одного и того же явления, ситуации, качества характера человека, отстаивание своих интересов в конфликте нередко может сопровождаться использованием в речи «антосинонимов» (*гибкость – беспринципность, доверчивость – наивность, внушаемость*). Пары слов-«антосинонимов» способны и развенчать и оправдать любое явление, позволяют «разглядеть» предмет со всех сторон, понять причинно-следственную связь между явлениями. Во многих сферах жизни речевое воздействие, а часто и подлинное манипулирование с помощью «антосинонимов» практикуются особенно часто. Прежде всего это политическая и рекламная коммуникация. Например, Аскар Акаев так высказался о политике Бакиева, который отказался от достигнутой договоренности ликвидировать американскую базу в Манасе после того как американские военные предложили большую арендную плату: *Он сделал непростительную ошибку. Как он говорил, это была «многовекторная» дипломатия. А я называю ее «флюгерной» дипломатией – кто больше заплатит. «И нашим и вашим за пятак спляшем»* (Программа «Постскриптум» с Алексеем Пушковым. 7.04.10). В приведенном контексте используются так называемые «эвфемизмы власти» (термин предложен М.Л. Ковшовой [Ковшова 2007: 74], их цель – искажение сути происходящего, их признак – спекулятивная легкость, неприкрытая демагогичность.

Другая сфера интенсивного речевого воздействия с помощью «подбора слов», то есть лексических средств вариативной интерпретации действительности – это психотерапия, а также такой ее вид, как нейролингвистическое программирование. Кроме того, элементы манипулирования присущи повседневному общению, в котором мы ежесекундно занимаемся миромоделированием, структурируем мир для себя и собеседника, предлагая свою версию, интерпретацию происходящего.

Важно, что не всегда использованию антосинонимов сопутствует такой речевой акт, как обман. В данной статье хочется поделиться наблюдениями над ситуациями, в которых антосинонимы помогают думать, разбираться в сути происходящего, а не исказить ее.

Если говорить о психотерапии, то можно выделить несколько ситуаций, когда психотерапевт или сам рефлексирующий человек использует «антосинонимы», и прежде всего это ситуация когнитивного диссонанса. Термин когнитивный диссонанс был предложен в 1957 году социальным психологом Леоном Фестингером (см. об этом, например [Левин 2007: 326-327]). Диссонанс возникает всякий раз, когда человек одновременно сталкивается с двумя несовместимыми когнициями (идеями, верованиями, мнениями). Фестингер утверждал, что это состояние несовместимости настолько неудобно, что люди стремятся ослабить конфликт самым легким из возможных способов: они меняют одну или обе когниции таким образом, чтобы те больше «соответствовали» друг другу. Это особенно верно для ситуаций, при которых под ударом оказывается чувство собственного достоинства. В таких обстоятельствах человек пойдет на любое искажение, отрицание и самоубеждение, чтобы оправдать собственное поведение. Например: *Вовремя предать – это не предать, а предвидеть* (Талейран).